

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:
91, rue du Faubourg Saint-Denis,
PARIS-10°. TAI 83-16
« LA PENSÉE RUSSE »
C.C.P. 5883-44, PARIS.

Редактор
С. А. ВОДОВ

MARDI, JEUDI et SAMEDI
Выходит по ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ и СУББОТАМ
ОСНОВАТЕЛЬ В. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Directeur
Serge VODOFF

Прием по делам Редакции и Конторы
ежедневно от 10 до 18 часов,
кроме суббот и воскресений.
В экстренных случаях
Звонить в типографию: MEN. 01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 3 мес. — 19,00 NF.; на 6 мес. — 35,00 NF.; на год — 70,00 NF.; ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ: на 3 мес. — 22,50 NF.; на 6 мес. — 42,00 NF.; на год — 84,00 NF.

Воспоминания и мысли

С АНТОНОМ ПАВЛОВИЧЕМ ЧЕХОВЫМ я познакомился в девяностых годах прошлого века — я был тогда еще отроком, потом к концу девяностых годов — юношей студентом. Познакомился я в доме одного из моих бесчисленных дядей, который был директором детской больницы, доктором и товарищем Чехова по университету. Знакомство это — должен признаться — на меня произвело мало впечатления: надо помнить, что в те годы Чехова знала широкая публика только как автора «смешных» рассказов, он числился даже не во втором, а в третьем ранге писателей, Потапенко, Короленко считались более крупными авторами. В частности, на моем личном литературном горизонте все заслоняла могучая фигура Льва Толстого — тогда еще живого и близкого нашей семье. Но я хорошо помню, как широкая масса интеллигенции (за исключением немногих писателей) расценивала тогда Чехова. Русскую славу ему принес только Художественный театр, и это было уже на рубеже века. Мировая же слава пришла уже спустя много лет после его кончины.

Да и сам он (в этом я глубоко убежден) вовсе не считал себя великим писателем, а всего только «просто писателем». Никаких следов высокой расценки своего творчества от него мне не довелось слы-

шать — и тут дело было не только в его великой и чрезвычайно для него характерной скромности и «тихости», но видимо в самом понимании им термина «великий писатель». Тихий и бесконечно деликатный, — он и наружностью своей никак не выделялся из массы рядовых интеллигентов «в пенсне со

Л. САБАНЕЕВ

шнурочком». Совершенно чуждый какого бы то ни было словолюбия, он педантично и тщательно избегал всяких чествований, банкетов и иных проявлений популярности — видимо они были ему просто мучительны. Даже театр, давший ему первую русскую славу, он шутливо называл «эшафотом, на котором казнят драматурга». Славы он не искал и не ожидал. Когда она пришла, он ей нисколько не обрадовался — скорее склонен был ее рассматривать как лишнюю жизненную обузу.

Я застал его уже глубоко пораженным недугом, который свел его в могилу. Возможно, что эта его тихость, печальный юмор, его никогда не покидавший, ни в жизни, ни в творчестве, горькая порой ирония, прячущаяся стыдливо под формой «объективного описания» и самое «камерное» интимное сущест-

во его таланта имели какое-то отношение к этому недугу, хотя я думаю, что вероятнее он только усилил уже заложенные в его природе качества психики.

Позднее, в эпоху «Художественного театра», мне приходилось с ним много беседовать. Разговор его был выдержан всегда в том же стиле тихой грусти с блесками неожиданного, но тоже печального юмора — стиль его разговора был тот же как и его писем, — но его эпистолярное творчество было законченным искусством, тогда как разговор был только эскизами. Говорил он негромким, глуховатым голосом, смеялся редко, даже когда говорил вещи юмористические — только улыбался. В нем никогда не было никакого ломания и желания себя выказать иным, чем он есть, была глубокая искренность, порой парализованная только его неизменной деликатностью: многое он не говорил из-за деликатности. Я думаю, что именно потому он с моим дядей-доктором и был более откровенен, чем я его видал в обществе артистов и литераторов, мир которых и свойственное этому миру болезненное самолюбие и паутину зависти, его обволакивавшую, он очень хорошо знал и не хотел будить злых духов этого мира.

Он часто говорил, что целью жизни должно быть посильное уменьшение в мире человеческих отношений всякой грязи, лжи, лицемерия и жестокости. Он был глубоко и безнадежно недоволен миром, но не знал и не видел никакого выхода. Он только констатировал печальные факты.

Из этой его основной пассивно-описательной позиции происходил его редкий (в особенности в те годы) среди русской интеллигенции политический нейтралитет. Он не примыкал ни к одной из тогдашних политических группировок, которые именно в эти годы стали обозначаться отчетливо. Более того, он их чуждался. Политик по природе своей, человек знающий (или полагающий, что знает), как улучшить человеческое бытие и верящий в этот метод, настаивающий на нем, проповедующий его. Чехов лишен всякого проповедничества, он ни во что не верует и ничего не проповедует — он «не знает». В глубине души по всей вероятности он надеялся, подобно Толстому, на «внутреннее перерождение человечества» — задача еще менее вероятная, нежели изобретение идеального образа управления человеческими массами. Но верить он вряд ли мог даже и в перерождение.

В жизни он больше льнул к людям «левого лагеря», но я вынес впечатление, что никаким экстремизмом он не страдал, потому что не верил ни в русскую интеллигенцию, ни в мужиков, ни в рабочих, ни в буржуазию. Стрелы его горькой иронии и юмора попадали во все политические партии, но они не ранили, а только указывали факты. Из разговоров его можно было

ВОСПОМИНАНИЯ И МЫСЛИ

См. страницу 3-ю

заключить, что «конституцию» на европейский манер он бы предпочел самодержавию, но в исполнителей этой конституции он тоже не верил. Не верил и в социализм, который считал искусственным построением. Но инстинктом умирающего медленной смертью человека, глубоко чуткого, он предчувствовал «здоровую, сильную бурю, которая сдует гнилую скуку».

Буря началась почти немедленно после его смерти (1904), потом последовали иные, еще более здоровые бури — они смели очень многое и того, что не надо было смелать, но скуки они не смели — и новая, советская Россия, едва ли не скучнее прежней.

В отношении религии он был стопроцентный атеист, как большинство интеллигенции его эпохи. Он говорил, что «с недоумением поглядываю на каждого интеллигентного верующего». Тем не менее, эстетическое восприятие религиозного обряда ему не было чуждо — возможно, что это было проявление атавистического инстинкта его крестьянских предков. И несомненно, что его основной лейтмотив творчества — тихая грусть (часто отравленная той или иной порцией юмора или иронии) и сострадание к обездоленным — имеют именно христианское происхождение.

Отношение его к современной ему новой литературе было, в сущности, резко отрицательным. Он смеялся над «декадентами» и говорил, что «они только притворяются больными и помешанными, а на деле они все здоровые ребята» — и в этом он был неправ: ребята были далеко не благополучны в отношении здоровья и некоторые из них кончили сумасшедшим домом. Не воспринимал он и новой живописи (тогда еще очень умеренной), предпочитал живопись реалистическую, дружил с Левитаном, который чем-то психически и художественно близок к Чехову. Музыка совершенно отсутствовала в его психическом горизонте — этот факт мне удалось очень скоро установить — она не отражена и в его произведениях. Но они полны своей, литературной музыкальности, которая ничего общего не имеет с музыкальностью в специальном «музыкантском» смысле, о чем я уже писал.

Чеховская манера письма не яв-

ляется в точном смысле слова новаторской — новаторство вообще не было свойственно его природе. Но она является своеобразным облегчением, уточнением и утончением литературного письма, разгрузкой его от той излишней обстоятельности, к которой склонна была предшествовавшая ему русская литература. Чехов доводит литературную ткань до минимума, необходимого для того, чтобы пригласить читателя к творческому сотрудничеству с автором. Автор дает намеки — читатель дополняет, «дотворяет» все остальное — от этого проистекает та легкость словесной ткани, которая очаровывает в Чехове. Он этим достигает максимума впечатления при минимуме словесного балласта. Но манера эта не им изобретена — в русской литературе ее следы имеются уже в прозе Лермонтова и Гоголя. Но после Чехова писать «по старинке» стало уже просто невыносимо (хотя многие и продолжали так писать). Одна из крупнейших его литературных заслуг именно в этом. Это его качество проявлено преимущественно в его беллетристике — в чеховских театральных пьесах этого максимума впечатления при минимуме средств не всегда удается констатировать.

Но именно театр прославил Чехова, ибо он был мощным популяризирующим фактором. Лев Толстой, который очень ценил прозу Чехова, не одобрял его театральных пьес. Известно его «любезное» высказывание самому Антону Павловичу: «Я ваших пьес не люблю. Шекспир скверно писал, а вы еще хуже». В утешение памяти Чехова надо признать, что и Толстой театральные пьесы тоже писал «хуже, чем Шекспир».

Художественный Театр, иными словами Станиславский и Немирович-Данченко, вывели скромного и тихого Чехова на большую литературную дорогу, он получил в эти годы уже титул «большого» писателя. Но в постановках Художественного Театра было много и привнесено вкусами Станиславского. Чехов об этом много говорил, даже при всей своей застенчивости и самим деятелям Художественного театра. Он не был согласен с трактовкой его пьес — он считал темпы театра затяжными и неестественными, с разрывом диалогической ткани, с нарочитостью постановок,

которую он вообще в искусстве ненавидел, с избытком аксессуаров и реалистических трюков. «Был вчера на спектакле «Трех сестер» — сочинение Станиславского», — рассказывал он при мне.

Он укорял постановщиков и в других дефектах, например, раз он высказал при мне свое впечатление, что в его драмах не была понята во многих эпизодах скрытая в них ирония и даже шарж — все принято наивно за чистую монету. Он указывал между прочим на знаменитые восклицания: «В Москву, в Москву!» и: «Мы отдохнем — мы увидим небо в алмазах!» — он сам считал, что это должно было быть подано, как шарж и ирония автора, как тихая и беззлобная усмешка над наивностью.

Но как бы то ни было — широкие массы пошли за Художественным театром и за его трактовкой и именно в этом «станиславском» виде Чехов стал русской знаменитостью и именно после этих театральных успехов его литературные произведения стали широко популярными. Он был переведен в первый ряд русских писателей. И трудно сказать, — произошло ли бы это, если бы «художественники» не подвергли его театральные пьесы своему «преображению», не расцветили бы его скромные, камерные, интимные краски огнями новых сценических ритмов и атмосферой захватывающего реализма.

Сам А. П. был в известной мере увлечен театральной атмосферой и его творчество даже испытало от этого соприкосновения с театром очень заметный подъем, ему особенно нужный именно в эти годы, когда физические его силы уже иссякали. Лучшее из его творчества написано в последние годы жизни. Смерть поставила точку на этой непрерывной линии художественного восхождения...

Потому, уже спустя годы, пришла и мировая известность, слава и даже титул гениального писателя — при жизни он его не слышал. Культурный Запад оценил и тихую интимную, бесконечно трагическую глубину Чехова и безумно гениальный размах Достоевского и земную, почвенную мощь Толстого — все они втроем представляют для Запада равноценные части великой русской литературной и психологической палитры.

Л. Сабанеев

Комментарий

...товарища Чехова по университету. – Возможно, ошибка памяти автора. А.П. Сабанеев был профессором Московского университета, которому Чехов сдавал курс неорганической химии 5 мая 1881 г.

...в те годы Чехова знала широкая публика только как автора «смешных» рассказов... – ошибка памяти автора, в 1890-х гг. известность Чехова была уже очень большой.

...пенсне... – Пенсне Чехов начал носить только в июне 1896 г.